

Красная звезда

знаю, откуда, – так у одного ноги от голода опухли, он ходить не мог. Он поел капусты: один тазик, другой тазик они съели с товарищами, через несколько дней он на своих ногах от нас ушел, со слезами на глазах мать обнял и говорит: «Я к вам, Афанасия Трофимовна, после войны обязательно приеду, и привезу хорошей колбасы». С Украины, что ли, он был... Но он так к нам и не приехал, скорее всего погиб. А сам я колбасу, точнее тушенку, первый раз попробовал в 44-м, когда мы стали получать помощь по ленд-лизу от союзников. Американская тушенка была, ключом специальным открывалась. Душистая такая, ароматная!..

А так – лепешки из картофельных очисток, какой это деликатес! Помню еще лепешки из дуранды. Что там было понамышано, один бог знает, зеленые-зеленые, шелуха там всякая, жмых, современным детям даже представить невозможно, что такое в принципе есть можно. Но мы ели.

В лесу в ту пору, вот прямо здесь, чуть в сторону, росла и брусника, и черника, и клюква – все это было, не говоря уже о грибах. А корову мама прятала в сарае: мало ли кому бы мяса захотелось. Корова была необыкновенного ума и красоты – она даже не мычала! Как будто понимала, что ей надо хранить молчание – во имя сохранения своей собственной жизни и наших жизней.

Ночью мама украдкой, взяв кого-нибудь с собой из детей, а то и двоих, ходила на Красную поляну или в лес, накосит травы, притащит охапку-другую, накормит нашу кормилицу, подоит ее. Вот так она нас спасала, эта корова.

А еще помню, был один офицер, его звали Андрей Фролов, у меня даже фотография его сохранилась. Он занимался снабжением продовольствия для гарнизона. Тут ведь еще школа молодого бойца была. Он иногда позовет нас, и дает нам с сестренкой – кусочек хлеба, чуть присыпанный сахаром, как пылью. Это было такое счастье!.. А однажды он дал мне крохотный кусочек вяленого мяса: «Ты, говорит, мужик, тебе расти надо...».

А когда солдат отсюда перевели, с ними уехала военно-полевая кухня. Они ведь каждый день варили какую-никакую, но кашу для бойцов. Кухня уехала, а лопату забыли. Деревянная лопата была, из осины выточенная, кашу в котле мешать. И мы эту лопату лизали, наверное, с месяц. Сестренки и я, по очереди. Как она пахла кашей, как вкусно!.. Потом запах улетучился, исчез, пропал. И я этой лопатой потом долго еще снег отгребал...

А у Фрола, то есть Андрея Фролова, говорили, где-то была в оккупации семья, и каким-то образом дошли до него слухи, что его жена другого нашла. И он сказал, что никогда не вернется в тот город. Когда пришла похоронка на отца, он спустя какое-то время предложил матери пожениться,

детей помочь вырастить. Но она... подумала и отказалась. Видимо, очень отца любила. Так и не вышла больше замуж...

«Деревянному аэродрому – деревянную бомбу!»

Примерно в двух километрах от этого нашего дома в Бернгардовке был старинный аэродром. Говорят, его открывал еще до революции царь-батюшка Николай Второй.

Он назывался, вроде бы, сначала Ковалевский, потом Смольный, или наоборот. Здесь летали маленькие самолетики местных авиалиний, а в войну это стал полностью военный аэродром. Его, как могли, конечно, маскировали. Ну а рядом, уже совсем недалеко от нашего дома, каких-то метров восемьсот, было очень похожее поле, и на этом поле наши построили ложный аэродром. Все из фанеры – ангарчики, самолеты фанерные, даже звезды нарисовали на крыльях. Я все это отлично помню, потому что все там облазил и все изучил. И вот однажды мама косила там сено, у нас тележка была четырехколесная, мы ей помогали сено возить. И вдруг – звук самолета в небе. Вроде, не наш звук! Может, немец прилетел, и так низко, что видели мы его профиль горбоносый, очки... Мать нас попрятала по кустам – вдруг стрелять начнет. На следующий день мы опять за сеном пошли, и снова самолет, и этот же летчик. Полетал-полетал, и вдруг от него отделяется бомба!

Мы не стали ждать, когда она взорвется, а побежали к нашим военным. Пришли наши на аэродром, смотрят-смотрят, а бомба не взрывается. Замполит присмотрелся, а бомба деревянная, выточена под настоящую, а в хвостовике – записка, на русском языке: «На деревянный аэродром – деревянную бомбу!». То есть не без юмора было даже и в войну. Это же надо было, выточить кому-то эту бомбу, написать такую записку...

Спрашиваю Олега Ивановича: «Значит, и в те годы умели шутить и было место юмору?» Без юмора и в жизни-то тяжело, а на фронте – тем более. Солдат, умеющий развеселить, вовремя чем-то подбодрить товарища, – самый лучший товарищ. Говорю тебе, как человек служивший и в самостоятельности участвующий. Я и стихи-то начал писать в армии для каких-то, как теперь принято говорить, «капустников». А потом начали меня в газетах понемножку печатать. Служил я в Восточ-

Брат: Леонид Костромин, погиб в 1944 г, под Нарвой.

ной группе войск, в Германии. Думал, что очень трудно мне будет с немцами, что буду ненавидеть. Однако именно там понял, что и им досталось. Никогда не забуду одного: инвалид, без обеих рук, и била его какая-то нервная дрожь, видимо контузия, и повторял он только одно слово на русском: «Сталинград! Сталинград!».

«Два сапога – не пара»

– Ну а уж как нам досталось, как вашей семье досталось, в эту войну, – говорю я своему собеседнику.

Подумав, он отвечает: «Я был младший в семье из пацанов. Меня жалели, берегли, даже, как могли, баловали. Но я этим не злоупотреблял. А больше всех из нас досталось старшему брату, Лене. На него в 15 лет легла такая ответственность! Он работал в госпитале. Он отоваривал все наши продовольственные карточки, ведь мы были все прописаны в Ленинграде, на улице Римского-Корсакова. 25 километров до города шел пешком, чтобы получить карточки и хлеб по карточкам. Обходил все блок-посты, потому что в равной степени могли и наши ненароком зацепить – ведь Ленинград был город-фронт, не забывайте. А хлеб в целости надо было донести до дома. Он ведь знал, что там восемь голодных ртов его ждут.

Никогда не забуду одну поездку в Ленинград. По каким-то причинам нам месяц не давали карточек, месяц не было даже этих 125-ти иждивенческих граммов хлеба... Это был самый тяжелый месяц в нашей жизни. Оказывается, потребовали, чтобы мать предъявила всех детей в райсовете, а это угол Майорова, сейчас Вознесенский проспект. В войну многие, когда дети уже погибли или умерли от голода, продолжали получать по их карточке хлеб. И вот мать собрала нас всех, и мы всей кучей поехали на поезде в Ленинград. Никогда не забуду, как добирались. Мы попали в бомбежку где-то у Финляндского, потом Леня с каким-то пацаном подрался, потому что тот бросил в Лию камень... Мы приехали в Райсовет, и мать нас всех так выстроила в ряд, мал мала меньше, и Люда на руках. Всех шестерых, потому что Оля уже воевала, отец уже погиб, а Леня еще был жив... И эта тетка в Райсовете, помню, сказала: «Извините, мамочка...».

И мы получили карточки, и отоварили хлеб, и везли его – целый мешок! И нас еще милиционер остановил, не спекулянты ли мы? И помню, как мать дико закричала, прижала этот мешок к себе: «Не отдам! Мне их надо кормить!» И мы хором все заревели. И тут милиционер сказал: «Давай, мать, я тебя провожу, а ты ты со своей малышкой не отобьешься, если что...». Так мы в целости и сохранности доехали до нашего домика.

Сестрицы мои все ходили в школу здесь же, в Бернгардовке. Это возле озера. Обувки не было вовсе никакой. Но как-то матери повезло, и ей, как многодетной, выдали талоны на обувь и чулки. И она принесла эту красоту: вместо чулок белые трубы, которые мать зашила, покрасила чернилами, потому что больше было нечем. А с сапогами того же, что и памятные калоши «Красного треугольника», было еще смешнее, они почему-то все были на одну ногу! И вот сестрицы мои в этих сапогах, в этих крашеных чулках идут в школу. Три километра туда, три обратно,

Сестра: Ольга Костромин, лейтенант мед. службы, закончила войну в Чехословакии.

а мороз за 30! Зимы-то стояли какие!.. Они придут в школу, а занятия отменили, разворачиваются и обратно домой. Приходят, сапоги снимают, а ноги синие-синие! Мы сначала плачем, а потом хохочем. Вот жизнь штука какая...

Кстати, в нашем этом домике ночевали люди, специалисты, которые разведывали Дорогу жизни. Только тогда никто не знал, что она получит такое название. Просто пришли к нам в дом очень серьезные дяденьки, оружия у них было, помню, много. Они много говорили что-то о толщине льда, выдержит – не выдержит машину... Сидели вот здесь, на этой длинной лавке, в ряд. Мать их чем-то кормила... И наутро они ушли. Но я их отлично помню.

«Я приду к крыльцу родному...»

– Чем жив человек? – спрашиваю я Костромину. И он, не задумываясь, отвечает: все тем же! Жив Верой, Надеждой и Любовью. Вот этим жив человек. И на этом все держится: и семья, и страна, и дом.

А еще мы много говорили с Олегом Ивановичем о творческом начале в человеке. Все его пятеро сестер выросли в очень талантливых людей. К сожалению, нет Лии, нет старшей Ольги и нет Лиды. Они все писали стихи, все прекрасно пели, и было здесь, в старом домике в бернгардовском лесу, всегда много друзей и гостей. Почти все дети Ивана Костромина получили высшее образование, как он и мечтал... Но не в этом дело.

– Не образование красит человека, – шутит Костромин. – Олег Иванович закончил училище, работал на «Судомехе», строил подводные лодки, ходил в экспедиции с профессором Носовым, откапывал древнее новгородское Городище. Много путешествовал по Белому морю. Он токарь-универсал, каких поискать. Он охотник и рыбак, путешественник и поэт. Отец двоих дочерей, они у него близнецы, и дедушка теперь уже трех внуков, которые выросли здесь, под сенью старых деревьев, которые кажутся им такими большими...

Я приду к колодцу родному.
Зачерпну журавлем водицы.
Все здесь мне до боли знакомо,
Мне водой никак не напиться.
Вот дубок, что сажала мама,
Стал он деревом ныне могучим,
Свои ветви тянет упрямо
Прямо к звездам и серым тучам.
Без верхушки сосна смешная,
А иголки на ней так колки!
Это мама моя молодая
Из отцовской пальнула двустолки.
Хорошо мне на Красной поляне...
Пусть весной здесь цветет смородина
И кузнечик стрекочет в бурьяне.
Пусть же вальдшнеп тянет над крышей,
Заливается птица песней.
Как мне любо все это слышать,
Что на свете быть может чудесней?..
И В САМОМ ДЕЛЕ – ЧТО?..

Татьяна ТРУБАЧЕВА
Фото из личного архива
О.И. КОСТРОМИНА

Олег, Лида, Людмила 1942 – 1943 гг., пос. Бернгардовка, «Красная поляна».